

Общественная организация
«Голоса за животных»

**ВЗАИМОСВЯЗЬ МЕЖДУ
ЖЕСТОКИМ ОБРАЩЕНИЕМ С ЖИВОТНЫМИ
СРЕДИ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ
И МЕЖЛИЧНОСТНЫМ НАСИЛИЕМ: СИСТЕМАТИЧЕСКИЙ ОБЗОР**

К. ЛОНГОБАРДИ, Л. БАДЕНЕС-ЛИБЕРА

ПЕРЕВОД: ЕКАТЕРИНА СОЛОВЬЕВА

© Межрегиональная общественная организация в сфере защиты животных «Голоса за животных», 2024

1. Introduction

In 1987 the American Psychiatric Association (APA, 1987) included animal cruelty in the Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders (DSM-III) as one of the earliest and most severe symptoms of a Conduct Disorder. A Conduct Disorder is diagnosed in children or adolescents who violate the basic rights of others, or age-appropriate societal norms or rules, repetitively and persistently. This stance carried over to the DSM-IV (APA, 2000), and DSM-V (APA, 2013).

Animal cruelty is defined as a socially unacceptable behavior that intentionally causes useless pain, suffering or anguish to the animal and/or its death (Ascione, 1993). From this viewpoint, animal cruelty is any act or omission that contributes to the pain, suffering, or unnatural death of animals or that otherwise threatens their welfare (Beirne, 2011). Thus, animal cruelty may be physical, psychological, emotional or sexual, may involve active maltreatment or passive neglect or omission, and may be direct, or indirect, intentional or unintentional (Lockwood & Arkow, 2016).

This definition of animal cruelty is often dependent upon the cultural contexts and factors that contribute to its ambiguity, and it does not include certain agricultural and veterinary practices or legalized hunting (Hensley, Browne, & Trentham, 2018). Thus, some forms of animal cruelty are socially acceptable.

Animal cruelty remains both a marginal and marginalised area for

1. Введение

В 1987 году Американская психиатрическая ассоциация (APA, 1987) включила жестокое обращение с животными в Диагностическое и статистическое руководство по психическим расстройствам (DSM-III) как один из самых ранних и тяжелых симптомов расстройства поведения. Расстройство поведения диагностируется у детей или подростков, которые нарушают основные права других людей или соответствующие возрасту общественные нормы или правила, неоднократно и настойчиво. Это утверждение также получило отражение в DSM-IV (APA, 2000) и DSM-V (APA, 2013).

Жестокое обращение с животными определяется как социально неприемлемое поведение, которое намеренно причиняет беспричинную боль, страдания или мучения животному и/или его смерть (Ascione, 1993). С этой точки зрения, жестокое обращение с животными - это любое действие или бездействие, которое вызывает боль, страдания или неестественную смерть животных или иным образом угрожает их благополучию (Beirne, 2011). Таким образом, жестокое обращение с животными может быть физическим, психологическим, эмоциональным или сексуальным, может включать активное жестокое обращение или пассивное пренебрежение или бездействие, и может быть прямым или косвенным, преднамеренным или непреднамеренным (Lockwood & Arkow, 2016).

Такое определение жестокого обращения с животными часто зависит от культурных контекстов и факторов, которые способствуют его неоднозначности, и не включает определенные сельскохозяйственные и ветеринарные практики или легализованную охоту (Hensley, Browne, & Trentham, 2018). Таким образом, некоторые формы жестокого обращения с животными являются социально приемлемыми.

Жестокое обращение с животными остается как маргинальной, так и

criminological research (Hughes & Lawson, 2011). Few researches have focused on identifying the characteristics of animal cruelty as a form of crime in and of itself (Grugan, 2018). However, understanding the underlying motivations for animal cruelty, the resulting effects on the animal victim and method can provide insights into the potential risks the alleged perpetrator may pose to other animals and human (Salvagni et al., 2017). This knowledge may be helpful to the court and mental health professionals in selecting the most appropriate intervention for those found guilty of animal cruelty (Lockwood & Arkow, 2016). Also, such insights can be important to identify the nature of animal cruelty in order to formulate policy responses (Grugan, 2018).

1.1. Motivations for cruelty to animals

Cruelty to animals is a complex phenomenon, involving a multitude of different situational factors, motives and other potential causes (Grugan, 2018). The literature has presented numerous psychological motivations and risk factors for perpetrators of animal cruelty. For instance, Kellert and Felthous (1985) described a classification of 9 motives for cruel and extremely aggressive behavior toward animals.

They pointed out the following motives: (1) to control an animal or shape an animal's behavior; (2) to retaliate against an animal; (3) to satisfy a prejudice against a species or breed (possibly associated with cultural values); (4) to express violent, aggressive behaviors through an animal toward other people or animals; (5) to improve one's aggressive skills or to impress others with a capacity for violence; (6) to entertain friends; (7) to retaliate against another person; (8) to displace hostility from a person to an animal; and (9) lacking any particular provocation or especially hostile feelings toward an animal. Consequently, each motivation for committing acts of animal cruelty requires a different response from the legal and health system and health professionals.

Each case of animal cruelty must be considered within a complex matrix of psychological motivations, individual and social risk factors and settings (Lockwood & Arkow, 2016).

маргинализированной областью криминологических исследований (Hughes & Lawson, 2011). Проводилось немного исследований, сосредоточенных на выявлении характеристик жестокого обращения с животными как формы преступления как таковой. (Grugan, 2018). Однако понимание основных мотивов и методов жестокого обращения с животными и конечных последствий для жертвы-животного может дать представление о потенциальных рисках, которые предполагаемый преступник может нести для других животных и людей (Salvagni et al., 2017). Эти знания могут быть полезны для судов и специалистов по психическому здоровью при выборе наиболее подходящих мер пресечения для тех, кто признан виновным в жестоком обращении с животными (Lockwood & Arkow, 2016). Кроме того, данные исследования могут быть важны в определении первопричин жестокого обращения с животными с целью формулировки ответных правительственных мер (Grugan, 2018).

1.1. Мотивы жестокого обращения с животными

Жестокость по отношению к животным — это сложное явление, включающее множество различных ситуативных факторов, мотивов и других потенциальных причин (Grugan, 2018). В литературе представлены многочисленные психологические мотивы и факторы риска для лиц, совершающих жестокое обращение с животными. Например, Келлерт и Фелтхаус (1985) описали классификацию из 9 мотивов жестокого и крайне агрессивного поведения по отношению к животным.

Они указали на следующие мотивы: (1) контролировать животное или формировать поведение животного; (2) мстить животному; (3) реализовывать предубеждение против вида или породы (возможно, связанное с культурными ценностями); (4) выражать жестокое, агрессивное поведение через животное по отношению к другим людям или животным; (5) развивать агрессивные навыки или производить впечатление на других способностью к насилию; (6) развлекать друзей; (7) мстить другим людям; (8) переносить враждебность с человека на животное; и (9) не иметь конкретных побуждений или выраженных враждебных чувств по отношению к животному. Следовательно, каждая мотивация совершения актов жестокого обращения с животными требует различного реагирования со стороны правовой и медицинской системы и специалистов здравоохранения.

Каждый случай жестокого обращения с животными должен рассматриваться в рамках сложной матрицы психологических мотивов, индивидуальных и социальных факторов риска и обстановки (Lockwood & Arkow, 2016).

1.2. Animal cruelty and interpersonal violence

Cruelty to animals is a widespread phenomenon with serious implications not only for animal welfare but also individual and societal wellbeing (Lockwood & Arkow, 2016; Prino, Longobardi, & Settanni, 2018). The relationship between episodes of animal cruelty during childhood and interpersonal aggression has long been of interest to developmental psychologists, psychiatrists, and other specialists, but its empirical study is relatively recent. The literature has produced a number of empirical studies, which present results that are sometimes controversial. Some studies found that animal cruelty is related to other forms of interpersonal violence and antisocial behavior, including bullying, juvenile delinquency, and adult criminality involving both violent and nonviolent actions (e.g., Ascione, Thompson, & Black, 1997; Baldry, 2005; Currie, 2006; Gullone & Robertson, 2008; Kellert & Felthous, 1985; Longobardi, Iotti, Jungert, & Settanni, 2018; Tapia, 1971); however, other studies did not report this relationship (e.g., Miller & Knutson, 1997; Walters, 2017). For example, Felthous and Kellert (1987) conducted a meta-analysis of 15 studies examining the relationship between childhood animal abuse and later interpersonal violence. Five of the studies found a link between acts of animal cruelty and later violence, while ten of the studies did not. These authors argued that this failure to find such a link could be based on the fact that these studies had significant methodological limitations, including poorly defined variables, the evaluation of single acts of interpersonal violence (as opposed to recurrent acts), and reliance on chart review for data collection. In fact, the five studies that did uncover a link measured recurrency, while the ten remaining studies that did not find a link based on their meta-analysis did not measure recurrency. That is, those that did identify an association tended to evaluate participants for recurrent acts of interpersonal violence and utilized direct interviews with subjects.

Trentham (2016), using data from 257 inmates at a medium-security prison in the Southern region of the USA, found that the only statistically significant predictor of recurrent adult interpersonal violence was recurrent childhood animal cruelty. In this way, inmates who engaged in recurrent childhood animal cruelty were more likely to

1.2. Жестокое обращение с животными и межличностное насилие

Жестокость по отношению к животным — широко распространенное явление с серьезными последствиями не только для благополучия животных, но и для личного и общественного благополучия (Lockwood & Arkow, 2016; Prino, Longobardi, & Settanni, 2018). Связь между эпизодами жестокого обращения с животными в детстве и межличностной агрессией давно интересует специалистов в области возрастной психологии, психиатров и других профессионалов области, но ее эмпирическое исследование началось относительно недавно. В литературе представлены эмпирические исследования, результаты которых иногда противоречивы. Некоторые исследования показали, что жестокое обращение с животными связано с другими формами межличностного насилия и антисоциального поведения, включая издевательства, преступность среди несовершеннолетних и преступность среди взрослых, включающую как насильственные, так и ненасильственные действия (например, Ascione, Thompson, & Black, 1997; Baldry, 2005; Currie, 2006; Gullone & Robertson, 2008; Kellert & Felthous, 1985; Longobardi, Iotti, Jungert, & Settanni, 2018; Tapia, 1971); однако другие исследования не сообщали о такой взаимосвязи (например, Miller & Knutson, 1997; Walters, 2017). Например, Фелтхаус и Келлерт (1987) провели метаанализ 15 исследований, изучающих связь между жестоким обращением с животными в детстве и последующим межличностным насилием. Связь между актами жестокого обращения с животными и последующим насилием обнаружили в пяти исследованиях, в десяти других - нет. Авторы утверждали, что эта неспособность найти такую связь может быть основана на том факте, что рассматриваемые исследования имели значительные методологические ограничения, включая неточно определенные переменные, оценку единичных актов межличностного насилия (в отличие от повторяющихся актов) и применение анализа амбулаторных карт для сбора данных. Фактически, 5 исследований, которые обнаружили связь, измеряли рецидив, в то время как 10 остальных, которые не обнаружили связи в ходе метаанализа, не измеряли рецидив. То есть, в исследованиях, которые выявили связь, как правило, участников оценивали на предмет повторяющихся актов межличностного насилия с использованием прямых интервью с субъектами.

Трентам (2016), используя данные 257 заключенных тюрьмы общего режима в южном регионе США, обнаружил, что единственным статистически значимым прогнозирующим фактором рецидивирующего межличностного насилия среди взрослых была рецидивирующая жестокость к животным в детстве. Таким образом, заключенные, которые участвовали в рецидивирующей жестокости к

commit recurrent adult interpersonal violence. The sociodemographic characteristics of the participants, such as race, education, and childhood residence, were not significant predictors of the adult interpersonal violence.

1.3. Theoretical models

The theoretical models used to explain the relationship between animal cruelty and interpersonal violence are the progression or graduation hypothesis and the deviance generalization hypothesis, which have been reviewed carefully by Gullone (2014). These models can be summed up by the phrase “violence begets violence.”

The progression hypothesis model assumes a direct causal connection between animal cruelty and interpersonal violence. According to this model, animal cruelty precedes interpersonal violence and determines its methods. As Flynn (2011) pointed out, evidence favoring the progression hypothesis normally derives from retrospective samples of violent criminals – serial killers, rapists, child molesters – who report animal abuse committed during their childhood. Recently, Walters (2013) conducted two separate meta-analyses to test the postulate of the violence graduation hypothesis. The first meta-analysis conducted with 14 studies revealed that individuals classified as violent offenders had higher rates of prior animal cruelty than individuals classified as non-violent offenders. A second meta-analysis performed with four studies demonstrated that prior animal cruelty correlated equally as well with violent and non-violent offenses as it did with violent offenses; however, the results showed a large heterogeneity.

The deviance generalization hypothesis holds that “a wide range of criminal behaviors are positively correlated with one another either because one form of deviant behavior leads to involvement in other forms of deviance or because different forms of deviance have the same underlying causes” (Arluke, Levin, Luke, & Ascione, 1999, p. 965). That is, aggressive behaviors have the tendency to present themselves alongside other forms of antisocial behavior, such as crimes against property, substance abuse, animal cruelty, and so forth. Therefore, individuals who commit animal cruelty are likely to

животным в детстве, были более склонны к совершению рецидивирующего межличностного насилия среди взрослых. Социально-демографические характеристики участников, такие как раса, образование и место проживания в детстве, не были значимыми факторами межличностного насилия среди взрослых.

1.3. Теоретические модели

Теоретические модели, используемые для объяснения связи между жестоким обращением с животными и межличностным насилием — это гипотеза прогрессирования или градуировки и гипотеза генерализации отклонения, которые были тщательно рассмотрены Гуллоном (2014). Эти модели можно обобщить фразой «насилие порождает насилие».

Модель гипотезы прогрессирования предполагает прямую причинно-следственную связь между жестоким обращением с животными и межличностным насилием. Согласно этой модели, жестокость к животным предшествует межличностному насилию и определяет его методы. Как отмечал Флинн (2011), доказательства в пользу гипотезы прогрессирования обычно получают из ретроспективных выборок преступников, совершивших насильственные преступления — серийных убийц, насильников, растлителей малолетних, — которые сообщают о жестоком обращении с животными, совершенном в детстве. Недавно Уолтерс (2013) провел два отдельных метаанализа для проверки постулата гипотезы градуировки насилия. Первый метаанализ, проведенный по 14 исследованиям, показал, что лица, классифицированные как преступники, совершившие насильственные преступления, имели более высокие показатели случаев предшествующей жестокости к животным, чем лица, классифицированные как преступники, не совершавшие насильственных преступлений. Второй метаанализ, проведенный по 4 исследованиям, показал, что предшествующая жестокость к животным одинаково коррелировала с насильственными и ненасильственными преступлениями; однако результаты показали большую гетерогенность.

Гипотеза генерализации девиации утверждает, что «широкий спектр видов преступного поведения положительно коррелирует друг с другом либо потому что одна форма девиантного поведения приводит к вовлечению в другие формы девиации, либо потому что разные формы девиации имеют одни и те же основные причины» (Arluke, Levin, Luke, & Ascione, 1999, стр. 965). То есть, агрессивное поведение имеет тенденцию проявляться наряду с другими формами антисоциального поведения, такими как преступления против имущества, злоупотребление психоактивными веществами, жестокое обращение с животными и т. д. Поэтому люди, совершающие жестокое обращение с животными, вероятно, будут совершать и другие формы

commit other forms of deviance as well, both violent and nonviolent. From this point of view, no assumptions are made with regard to chronological order; consequently, animal cruelty might occur before, after or concurrently with human violence.

1.4. Purpose of the systematic review

Our aim was to conduct a systematic review of published studies that have investigated childhood animal cruelty associated with later interpersonal violence and possible moderating factors of this association in order to summarize and clarify the current body of scientific knowledge on this topic. Systematic reviews help to map out areas of uncertainty and identify research gaps, as well as helping to ensure that clinical practice is kept up-to-date with the best research evidence available. Additionally, recommendations are offered in order to improve further research on this topic.

Our study aims to provide an unbiased synthesis of research in this area for the use of practitioners, policymakers, academics, and any others interested in this topic. To understand the link between animal cruelty and later interpersonal violence, it is vital to successfully intervene. In addition, identifying weaknesses and strengths in the current literature is equally important to better inform future studies.

2. Method

2.1. Study selection criteria

In order to be included in this systematic review, the studies had to fulfill the following criteria: (1) they were required to have been published in indexed journals in the period ranging between 1995 and July 2017; (2) they had to present original research (quantitative or qualitative); (3) they had to examine the relationship between episodes of animal cruelty during childhood and adolescence and subsequent episodes of interpersonal violence (e. g., delinquent or criminal behavior, antisocial behavior, etc.) (4) they had to be available in full-text form; and (5) due to language limitations, the studies were required to have been written in English, Spanish or Italian.

2.2. Search strategy

отклонений, как насильственные, так и ненасильственные. С этой точки зрения, не делается никаких предположений относительно хронологического порядка; следовательно, жестокое обращение с животными может происходить до, после или одновременно с человеческим насилием.

1.4. Цель системного обзора

Наша цель состояла в том, чтобы провести системный обзор опубликованных исследований, которые изучали детскую жестокость к животным, связанную с последующим межличностным насилием и возможными факторами, влияющими на эту связь, чтобы обобщить и прояснить текущий объем научных знаний по этой теме. Системные обзоры помогают наметить области неопределенности и выявить пробелы в исследованиях, а также помогают гарантировать, что клиническая практика будет осуществляться с использованием лучших современных исследовательских доказательств. Кроме того, предлагаются рекомендации для улучшения дальнейших исследований по этой теме.

Наше исследование направлено на предоставление беспристрастного синтеза исследований в этой области для использования практикующими специалистами, политиками, учеными и любыми другими специалистами, интересующимися этой темой. Чтобы понять связь между жестокостью к животным и последующим межличностным насилием, критически важно начать действовать корректно. Кроме того, выявление слабых и сильных сторон в изученной литературе не менее важно для лучшего информирования будущих исследователей.

2. Метод

2.1. Критерии отбора исследований

Чтобы быть включенными в этот систематический обзор, исследования должны были соответствовать следующим критериям: (1) они должны были быть опубликованы в индексируемых журналах в период с 1995 года по июль 2017 года; (2) они должны были содержать оригинальное исследование (количественное или качественное); (3) они должны были изучить связь между эпизодами жестокого обращения с животными в детстве и подростковом возрасте и последующими эпизодами межличностного насилия (например, правонарушение или преступное поведение, антисоциальное поведение и т. д.) (4) они должны были быть доступны в полнотекстовой форме; и (5) из-за языковых ограничений исследования должны были быть написаны на английском, испанском или итальянском языках.

The search was performed in two electronic databases (Scopus and ISI Web of Science) using the following keywords: animal cruelty, children animal cruelty, animal violence, animal abuse and pet abuse.

Additionally, the reference sections of all included studies, previous literature reviews and meta-analyses (Flynn, 2011; Miller, 2001; Monsalve, Ferreira, & Garcia, 2017; Patterson-Kane & Piper, 2009), and the relevant studies on animal cruelty were checked for possible eligibility.

The screening process was carried out independently by two researchers. A consensus process was undertaken for the studies that aroused disagreement. Fig. 1 presents a flowchart describing the screening and selection process of the studies. The search strategy produced a total of 3329 manuscripts.

In order to filter the results, we applied criteria such as the restriction of the publication period (e.g., between 1995 and July 2017) and the document type (e.g., articles presenting original research that were published in indexed journals). Following this step, the eligible articles amounted to 677. After removing the duplicates, the number of articles was reduced to 522. The titles and abstracts of the 522 studies were scanned, and the relevant studies were pre-selected based on the inclusion and exclusion criteria. The number of pre-selected studies was 74.

Therefore, 74 studies were reviewed in full-text form. The review of these studies led us to exclude 42 of them for not meeting the criteria. In conclusion, 32 articles fulfilled the selection criteria. All of them were written in English and published between 1995 and July 2017.

3. Results

3.1. Descriptive characteristics of the studies

The characteristics of studies are described in Table 1. Overall, most of the studies were conducted in the United States of America (USA, 26 studies), used non-probabilistic sampling methods (28 studies), and employed cross-sectional or retrospective designs (27 studies). The study sample sizes ranged from 5 (Wright & Hensley, 2003) to 41,931 participants (Vaughn et al., 2009). Participant age

2.2. Стратегия поиска

Поиск проводился в двух электронных базах данных (Scopus и ISI Web of Science) с использованием следующих ключевых слов: жестокое обращение с животными, жестокое обращение с детьми, насилие над животными, жестокое обращение с животными и жестокое обращение с домашними животными.

Кроме того, справочные разделы всех включенных исследований, предыдущие обзоры литературы и метаанализы (Flynn, 2011; Miller, 2001; Monsalve, Ferreira, & Garcia, 2017; Patterson-Kane & Piper, 2009) и соответствующие исследования по жестокому обращению с животными были проверены на предмет возможной приемлемости. Процесс скрининга проводился независимо двумя исследователями.

Для исследований, вызвавших разногласия, был проведен процесс консенсуса. На рис. 1 представлена блок-схема, описывающая процесс скрининга и отбора исследований. Стратегия поиска дала в общей сложности 3329 рукописей.

Чтобы отфильтровать результаты, мы применили такие критерии, как ограничение периода публикации (например, с 1995 по июль 2017 года) и тип документа (например, статьи, представляющие оригинальные исследования, которые были опубликованы в индексируемых журналах). После этого шага количество статей, соответствующих критериям, составило 677. После удаления дубликатов количество статей сократилось до 522. Названия и аннотации 522 исследований были отсканированы, и соответствующие исследования были предварительно отобраны на основе критериев включения и исключения. Количество предварительно отобранных исследований составило 74.

Поэтому 74 исследования были рассмотрены в полнотекстовой форме. Обзор этих исследований привел к тому, что мы исключили 42 из них за несоответствие критериям. В заключение, 32 статьи соответствовали критериям отбора. Все они были написаны на английском языке и опубликованы в период с 1995 по июль 2017 года.

3. Результаты

3.1. Описательные характеристики исследований

Характеристики исследований описаны в Таблице 1. В целом, большинство исследований были проведены в Соединенных Штатах Америки (США, 26 исследований), использовали методы случайной выборки (28 исследований) и применили поперечные или ретроспективные методы исследования (27 исследований). Размеры выборки исследования варьировались от 5 (Wright &

ranged from 6 years (Becker, Stuewig, Herrera, & McCloskey, 2004) to 88 years. The majority of the participants were Caucasian males.

The study samples consisted of different types of participants. Most of the samples consisted of prison inmates (18 studies) from the USA (17 studies) and Finland (1 study). It should be noted that several studies were carried out by selecting the same samples of participants. For example, the studies by Hensley et al. (2018), Hensley, Tallichet, and Dutkiewicz (2009, 2010, 2012), Henderson, Hensley, and Tallichet (2011), and Overton, Hensley, and Tallichet (2012) used the same sample of 180 male inmates, taken from medium- and maximum-security prisons. The same pattern can be noted in the studies conducted by Hensley and Tallichet (2008, 2009), Hensley, Tallichet, and Singer (2006), and Tallichet and Hensley (2004). These studies shared a sample of 261 male inmates, taken from medium- and maximum-security prisons. Finally, Walters (2014) and Walters and Noon (2015) also shared the same sample. This fact should be taken into account when interpreting the results.

The samples of the other studies were composed of students (undergraduates, secondary/primary school students from the USA and Europe), hospitalized children from the USA and UK (Boat et al., 2011; Salter et al., 2003), serial killers (Wright & Hensley, 2003), perpetrators of school massacres (Arluke & Madfis, 2014), non-institutionalized individuals (Vaughn et al., 2009;) and women and children who were victims of domestic violence and had contacted anti-violence centers (Becker et al., 2004).

The data was retrieved mostly through self-report methods.

Nevertheless, a number of factors were investigated through thirdperson reports as well, such as maternal (Becker et al., 2004) or medical personnel reports of the children's behavior (Boat et al., 2011), in order to ensure data completeness. Additionally, a number of studies reviewed the charts, judicial acts, and clinical files of the participants, in order to obtain a complete picture of the situation (Arluke & Madfis, 2014; Boat et al., 2011; Merz-Perez, Heide, & Silverman, 2001). There was no consensus across studies concerning the definition of animal cruelty and its relevant dimensions. Eight studies used standardized measurement

Hensley, 2003) до 41 931 участника (Vaughn et al., 2009). Возраст участников варьировался от 6 лет (Becker, Stuewig, Herrera, & McCloskey, 2004) до 88 лет. Большинство участников были мужчинами европеоидной расы.

Выборки исследования состояли из разных типов участников. Большинство выборок состояли из заключенных (18 исследований) из США (17 исследований) и Финляндии (1 исследование). Следует отметить, что несколько исследований были проведены путем отбора одних и тех же выборок участников. Например, исследования Хенсли и др. (2018), Хенсли, Талличета и Дуткевича (2009, 2010, 2012), Хендерсона, Хенсли и Талличета (2011) и Овертона, Хенсли и Талличета (2012) использовали одну и ту же выборку из 180 мужчин-заключенных, взятых из тюрем общего и строгого режима. Та же картина наблюдается в исследованиях, проведенных Хенсли и Талличетом (2008, 2009), Хенсли, Талличета и Сингера (2006) и Талличета и Хенсли (2004). В этих исследованиях использовалась выборка из 261 мужчины-заключенного, взятых из тюрем общего и строгого режима. Наконец, Уолтерс (2014) и Уолтерс и Нун (2015) также использовали одну и ту же выборку. Этот факт следует учитывать при интерпретации результатов.

Выборки других исследований состояли из студентов (бакалавриата, учащихся средних/начальных школ из США и Европы), госпитализированных детей из США и Великобритании (Boat et al., 2011; Salter et al., 2003), серийных убийц (Wright & Hensley, 2003), виновников умышленных убийств в школах (Arluke & Madfis, 2014), лиц, не находящихся в учреждениях (Vaughn et al., 2009;) и женщин и детей, которые стали жертвами домашнего насилия и обратились в центры по борьбе с насилием (Becker et al., 2004).

Данные были получены в основном с помощью методов самоанкетирования.

Тем не менее, ряд факторов также был исследован с помощью отчетов третьих лиц, таких как отчеты матерей (Becker et al., 2004) или медицинского персонала о поведении детей (Boat et al., 2011), чтобы обеспечить полноту данных. Кроме того, в ряде исследований были рассмотрены медицинские карты, судебные акты и клинические записи участников, чтобы получить полную картину ситуации (Arluke & Madfis, 2014; Boat et al., 2011; Merz-Perez, Heide, & Silverman, 2001). Не было единого мнения в исследованиях относительно определения жестокого обращения с животными и его соответствующих измерений. В 8 исследованиях использовались стандартизированные инструменты измерения, такие как Контрольный лист поведения ребенка (CBCL), Инструмент оценки детей и животных (CAAI), Описание опыта, связанного с животными, и Шкала физического

instruments, such as the Child Behavior Checklist (CBCL), Child and Animal Assessment Instrument (CAAI), Inventory on Animal-Related Experiences, and the Physical and Emotional Tormenting Against Animals Scale (PET). However, most researchers used their own varying definitions of animal cruelty. For example, they asked: "How often did you hit a domestic animal with an object?" (Simons, Wurtele, & Durham, 2008); "In your entire life, did you ever hurt or be cruel to an animal or pet on purpose?" (Vaughn et al., 2009); and "Did you ever physically hurt animals on purpose?" and "What did you do?" (Walters, 2014; Walters & Noon, 2015). In other studies, the definition of animal cruelty included any action where the respondent hurt or killed animals as a child (other than for hunting purposes) (e.g., Hensley et al., 2009, 2012; Tallichet & Hensley, 2004). In this sense, the participants were asked to indicate: "How many times have you ever hurt or killed animals, other than for hunting?" (Tallichet & Hensley, 2004) or "What do you do to hurt or kill animals?" by circling each of the methods that were listed on the survey. These included drowning, hitting, shooting, kicking, choking, burning, and/or having sex with animals (Hensley et al., 2012).

Concerning interpersonal violence, several different behaviors were measured (e.g., abuse, bullying, victimization, perpetration of a school massacre, antisocial behavior, and other forms of delinquency). Most of the studies employed their own definition of interpersonal violence (e.g., Hensley et al., 2012; Hensley & Tallichet, 2009; Tallichet & Hensley, 2004). For example, five studies assessed bullying (Baldry, 2005; Baxendale, Lester, Johnston, & Cross, 2015; Boat et al., 2011; Gullone & Robertson, 2008; Henry & Sanders, 2007), but most of them used their own definition of bullying. In the study by Baldry (2005), the measurement of direct bullying experiences involved asking students how often they had been called bad names, physically hurt, had their belongings taken away, or been threatened in the past three months (four items), and the measurement of indirect bullying experiences included students having rumors spread about them, and being isolated by their peers (e.g., "No one would stay with me during recess" and "No one would talk with me"). Juvenile delinquent behavior was measured in 21 studies, but these studies also used different measurement instruments, such as official records (e.g., Becker et al., 2004; Salter et al., 2003), questionnaires (e.g., Walters, 2014; Walters & Noon, 2015), and specifically developed

и эмоционального мучения животных (PET). Однако большинство исследователей использовали свои собственные различные определения жестокого обращения с животными. Например, они спрашивали: «Как часто вы били домашнее животное предметом?» (Simons, Wurtele, & Durham, 2008); «За всю свою жизнь вы когда-нибудь преднамеренно причиняли боль или были жестоки к животному или домашнему животному?» (Vaughn et al., 2009); и «Вы когда-нибудь преднамеренно причиняли физическую боль животным?» и «Что вы делали?» (Walters, 2014; Walters & Noon, 2015). В других исследованиях определение жестокого обращения с животными включало любые действия, когда респондент причинял боль или убивал животных в детстве (кроме целей охоты) (например, Hensley et al., 2009, 2012; Tallichet & Hensley, 2004). В этом смысле участников просили указать: «Сколько раз вы когда-либо причиняли боль или убивали животных, кроме целей охоты?» (Tallichet & Hensley, 2004) или «Что вы делаете, чтобы причинять боль или убивать животных?», охватывая каждый из методов, перечисленных в опросе. К ним относятся утопление, удары, стрельба, пинки, удушение, сжигание и/или секс с животными (Hensley et al., 2012).

Что касается межличностного насилия, то были измерены несколько различных видов поведения (например, оскорбления, издевательства, виктимизация, массовое убийство в школе, антисоциальное поведение и другие формы правонарушений). Большинство исследований использовали собственное определение межличностного насилия (например, Hensley et al., 2012; Hensley & Tallichet, 2009; Tallichet & Hensley, 2004). Например, пять исследований производили оценку издевательств (Baldry, 2005; Baxendale, Lester, Johnston, & Cross, 2015; Boat et al., 2011; Gullone & Robertson, 2008; Henry & Sanders, 2007), но большинство из них использовали собственное определение этого понятия. В исследовании Болдри (2005) измерение опыта прямой травли включало опрос учащихся, как часто их обзывали, причиняли им физическую боль, отбирали их вещи или угрожали им за последние три месяца (четыре пункта), а измерение опыта косвенной травли включало распространение слухов о них и изоляцию со стороны сверстников (например, «Никто не оставался со мной во время перемены» и «Никто не разговаривал со мной»). Поведение несовершеннолетних правонарушителей измерялось в 21 исследовании, но в этих исследованиях также использовались различные инструменты измерения, такие как официальные записи (например, Беккер и др., 2004; Солтер и др., 2003), анкеты (например, Уолтерс, 2014; Уолтерс и Нун, 2015) и специально разработанные опросники. Они включали такие вопросы, как: «Вы когда-нибудь совершали или пытались совершить убийство?»; «Вы когда-нибудь совершали или пытались совершить

items. The items included questions such as: "Have you ever committed or attempted murder?"; "Have you ever committed or attempted rape?"; "Have you ever committed aggravated or simple assault?"; and "Have you ever committed robbery?" (e.g., Hensley et al., 2012; Hensley & Tallichet, 2009; Tallichet & Hensley, 2004). In addition, the participants were asked how many times they had committed each of these crimes (e.g., Hensley et al., 2012; Tallichet & Hensley, 2004).

3.2. Animal cruelty and interpersonal violence

Overall, the studies carried out with samples of subjects aged 0 to 21 years found that cruelty toward animals was related to problems with peers, experiences of sexual abuse (Boat et al., 2011), bullying (Baldry, 2005; Baxendale et al., 2015; Boat et al., 2011; Gullone & Robertson, 2008; Henry & Sanders, 2007), and juvenile delinquency (e.g., Becker et al., 2004; Henry, 2004; Loeber et al., 2005; Lucia & Killias, 2011; Walters, 2014). However, childhood episodes of animal cruelty were not associated with experiences of homicidal behavior, self-harm, assault, running away, fire setting, property destruction, poor impulse control, current drug/alcohol dependency, weapon use, and gang involvement (Boat et al., 2011).

3.2.1. Animal cruelty and bullying

The findings showed that animal cruelty was positively related to the perpetration of bullying and victimization (Baldry, 2005; Gullone & Robertson, 2008; Henry & Sanders, 2007) for both physical and verbal bullying (Baxendale et al., 2015; Henry & Sanders, 2007), and that the relationship was present for both boys and girls (Baldry, 2005).

Nevertheless, Boat et al. (2011) did not find a link between animal cruelty and bullying victimization in a child psychiatric sample. Furthermore, subjects who had been involved in multiple episodes of animal cruelty were significantly more likely to be bullies and/or to have been bullied than either one-time abusers or those who had never abused animals (Henry & Sanders, 2007). Finally, the results of multiple regression analyses showed that having witnessed animal cruelty was a significant predictor of bullying (Gullone & Robertson, 2008).

изнасилование?»; «Вы когда-нибудь совершали нападение при отягчающих обстоятельствах или простое нападение?»; и «Вы когда-нибудь совершали ограбление?» (например, Hensley et al., 2012; Hensley & Tallichet, 2009; Tallichet & Hensley, 2004). Кроме того, участников спрашивали, сколько раз они совершили каждое из этих преступлений (например, Hensley et al., 2012; Tallichet & Hensley, 2004).

3.2. Жестокое обращение с животными и межличностное насилие

В целом, исследования, проведенные с выборками субъектов в возрасте от 0 до 21 года, показали, что жестокость по отношению к животным была связана с проблемами со сверстниками, опытом сексуального насилия (Boat et al., 2011), издевательствами (Baldry, 2005; Baxendale et al., 2015; Boat et al., 2011; Gullone & Robertson, 2008; Henry & Sanders, 2007) и подростковой преступностью (например, Becker et al., 2004; Henry, 2004; Loeber et al., 2005; Lucia & Killias, 2011; Walters, 2014). Однако эпизоды жестокого обращения с животными в детстве не были связаны с поведением, приводящим к убийству, причинением себе вреда, нападениями, побегами, поджогами, порчей имущества, отсутствием контроля побуждений, текущей наркотической/алкогольной зависимостью, использованием оружия и участием в бандах (Boat et al., 2011).

3.2.1. Жестокое обращение с животными и издевательства

Результаты показали, что жестокое обращение с животными было положительно связано с совершением издевательства и виктимизацией (Baldry, 2005; Gullone & Robertson, 2008; Henry & Sanders, 2007) равно в ходе физических и вербальных издевательства (Baxendale et al., 2015; Henry & Sanders, 2007), и что эта связь наблюдалась в случаях как с мальчиками, так и с девочками (Baldry, 2005).

Тем не менее, Boat et al. (2011) не обнаружили в детской психиатрической выборке связи между жестокостью к животным и травлей. Кроме того, субъекты, которые были вовлечены в множественные эпизоды жестокости к животным, были значительно более склонны участвовать в травле и/или подвергаться травле, чем те, кто был однократным обидчиком или те, кто никогда не издевался над животными (Henry & Sanders, 2007). Наконец, результаты множественного регрессионного анализа показали, что повторяющееся наблюдение жестокости к животным было значимым прогностическим фактором издевательства (Gullone & Robertson, 2008).

3.2.2. Animal cruelty and delinquent behavior in samples of noninstitutionalized individuals

Overall, the findings showed that animal cruelty was correlated to various types of offenses, such as robbery or mugging, vandalism, violent offenses, serious property offenses, and shoplifting, harassment, and forcing someone to engage in sexual acts (Becker et al., 2004; Henry, 2004; Loeber et al., 2005; Lucia & Killias, 2011; Salter et al., 2003; Vaughn et al., 2009; Walters, 2014). Specifically, in samples of students the link between animal cruelty and delinquent behavior was stronger for offenses such as vandalism, violent offenses, and serious property offenses than for more common misdemeanors or minor violence and nonviolent offenses, such as shoplifting (Lucia & Killias, 2011). In addition, individuals who reported participating in more than one episode of animal cruelty also reported more delinquent involvement than those who had not engaged in multiple acts of animal cruelty, or who had reported participating in one or fewer acts of animal cruelty (Henry, 2004).

On the other hand, in a nationally representative sample of 41,931 participants non-institutionalized US residents aged 18 years and older, Vaughn et al. (2009) found that animal cruelty was associated with a broad array of antisocial behaviors, particularly behaviors that exercise a physical threat over other persons, such as robbery or mugging, harassment, and forcing someone to engage in sexual acts.

The strongest association between antisocial behaviors and animal cruelty was found for robbing or mugging other people. Furthermore, the study also found that setting fires on purpose was highly associated with animal cruelty. Finally, prospective studies showed that animal cruelty predicted aggressive offenses and income offenses or non-violent offenses (Becker et al., 2004; Loeber et al., 2005; Salter et al., 2003; Walters, 2014), even after controlling for demographic variables, such as age, sex, and ethnicity, and behavioral variables, such as the early onset of behavior problems (Walters, 2014), or controlling for family income and the mother's education (Becker et al., 2004).

3.2.2. Жестокое обращение с животными и отклоняющееся поведение в выборках неинституционализированных лиц

В целом, результаты показали взаимосвязь жестокого обращения с животными с различными типами правонарушений, такими как грабеж или разбой, вандализм, насильственные преступления, серьезные имущественные преступления, а также кражи в магазинах, домогательства и принуждение кого-либо к участию в сексуальных действиях (Becker et al., 2004; Henry, 2004; Loeber et al., 2005; Lucia & Killias, 2011; Salter et al., 2003; Vaughn et al., 2009; Walters, 2014). В частности, в выборках студентов связь между жестокостью к животным и правонарушениями была сильнее в случае таких правонарушений, как вандализм, насильственные преступления и серьезные имущественные преступления, чем для более распространенных проступков или незначительного насилия и ненасильственных правонарушений, таких как кража в магазине (Lucia & Killias, 2011). Кроме того, лица, которые сообщили об участии в более, чем одном эпизоде жестокого обращения с животными, также сообщили о большем участии в правонарушениях, чем те, кто не участвовал в нескольких актах жестокого обращения с животными или которые сообщили об участии в одном или меньшем количестве актов жестокого обращения с животными (Henry, 2004).

С другой стороны, в общенациональной репрезентативной выборке из 41 931 участников, не проживающих в учреждениях США в возрасте 18 лет и старше, Вон и др. (2009) обнаружили, что жестокое обращение с животными было связано с целым спектром антисоциального поведения, в частности, с поведением, которое представляет собой физическую угрозу для других людей, например, грабеж или нападение, притеснение и принуждение кого-либо к половым актам.

Самая сильная связь между антисоциальным поведением и жестокостью к животным была обнаружена в случае грабежа или нападений на других людей. Кроме того, исследование также показало, что преднамеренные поджоги тесно связаны с жестоким обращением с животными. Наконец, перспективные исследования показали, что жестокое обращение с животными являлось предпосылкой к агрессивным преступлениям и преступлениям, связанным с доходом, или ненасильственным преступлениям (Becker et al., 2004; Loeber et al., 2005; Salter et al., 2003; Walters, 2014), даже после учета демографических переменных, таких как возраст, пол и этническая принадлежность, и поведенческих переменных, таких как раннее проявление поведенческих проблем (Walters, 2014), или учета семейного дохода и образования матери (Becker et al., 2004).

3.2.3. Animal cruelty and delinquent behavior in samples of institutionalized individuals

Overall, retrospective studies carried out with male inmates or offenders found a relationship between the inmates' recurrent childhood and adolescent acts of animal cruelty and their subsequent repeated acts of aggression against humans in general (e.g., Arluke et al., 1999; Henderson et al., 2011; Hensley et al., 2018; Hensley & Tallichet, 2009; Hensley et al., 2006; 2009; Hensley et al., 2009; Hensley et al., 2010, 2012; Levitt, Hoffer, & Loper, 2016; Merz-Perez et al., 2001; Overton et al., 2012; Santtila & Haapasalo, 1997; Tallichet & Hensley, 2004; Wright & Hensley, 2003). Therefore, the inmates who had committed more acts of childhood animal cruelty were more likely to have engaged in repeated acts of interpersonal violence as adults, even after controlling for ethnicity, education, and their geographic location of origin – rural versus urban (Hensley et al., 2009).

Moreover, animal cruelty was also related to being convicted of personal crimes, the number of said convictions, and the number of siblings (Hensley et al., 2006; Hensley et al., 2010; Santtila & Haapasalo, 1997; Tallichet & Hensley, 2004), a diagnosis of antisocial personality disorder (APD) (Gleyzer, Felthous, & Holzer III, 2002), and various types of antisocial behavior, such as robbery or mugging, drug offenses, serious property offenses, and public disorder offenses (e.g., Arluke et al., 1999; Gleyzer et al., 2002).

Additionally, a negative significant association was found between age of first animal abuse and recurrent interpersonal violence.

Nevertheless, only recurrent childhood and adolescent acts of animal cruelty and the number of siblings predicted recurrent interpersonal violence (Hensley et al., 2018; Tallichet & Hensley, 2004). Inmates who had a greater number of siblings and who had committed more acts of animal cruelty as children or adolescents were more likely to have engaged in repeated acts of human violence during adulthood.

This suggests that the effects of the non-significant factors are mediated by frequency and number of siblings in the regression

3.2.3. Жестокое обращение с животными и отклоняющееся поведение в выборках институционализированных лиц

В целом, ретроспективные исследования, проведенные с мужчинами-заключенными или правонарушителями, обнаружили связь между повторяющимися детскими и подростковыми актами жестокого обращения с животными и их последующими повторными актами агрессии против людей в целом (например, Arluke et al., 1999; Henderson et al., 2011; Hensley et al., 2018; Hensley & Tallichet, 2009; Hensley et al., 2006; 2009; Hensley et al., 2009; Hensley et al., 2010, 2012; Levitt, Hoffer, & Loper, 2016; Merz-Perez et al., 2001; Overton et al., 2012; Santtila & Haapasalo, 1997; Tallichet & Hensley, 2004; Wright & Hensley, 2003). Таким образом, заключенные, которые совершили больше актов жестокого обращения с животными в детстве, с большей вероятностью будут участвовать в повторных актах межличностного насилия во взрослом возрасте, даже с учетом этнической принадлежности, образования и их происхождения - сельского или городского (Hensley et al., 2009).

Более того, жестокое обращение с животными также было связано с осуждением за преступления против личности, количеством указанных осуждений и количеством братьев и сестер (Hensley et al., 2006; Hensley et al., 2010; Santtila & Haapasalo, 1997; Tallichet & Hensley, 2004), диагнозом антисоциального расстройства личности (APD) (Gleyzer, Felthous, & Holzer III, 2002) и различными типами антисоциального поведения, такими как грабеж или уличные нападения, преступления, связанные с наркотиками, серьезные имущественные преступления и правонарушения, связанные с нарушением общественного порядка (например, Arluke et al., 1999; Gleyzer et al., 2002).

Кроме того, отрицательная значимая связь была обнаружена между возрастом первого жестокого обращения с животными и повторяющимся межличностным насилием.

Тем не менее, только повторяющиеся детские и подростковые акты жестокого обращения с животными и количество братьев и сестер определяли повторяющееся межличностное насилие (Hensley et al., 2018; Tallichet & Hensley, 2004). Заключенные, у которых было больше братьев и сестер и которые совершили больше актов жестокого обращения с животными в детстве или подростковом возрасте, с большей вероятностью принимали участие в повторных актах человеческого насилия во взрослой жизни.

Отсюда, можно предположить, что в регрессионном анализе эффекты от

analysis. Finally, Santtila and Haapasalo (1997) compared groups of homicidal offenders, violent offenders, and nonviolent offenders across a set of risk factors that included animal cruelty, and found that the presence of episodes of animal cruelty differentiated the homicidal offenders from one or both of the other groups of offenders. The findings showed that inmates who committed violent crimes as adults were significantly more likely to have committed acts of animal cruelty as children than other adult nonviolent offenders (Merz-Perez et al., 2001; Santtila & Haapasalo, 1997). Nevertheless, recent research by Walters (2017), using a male sex offender sample, and by Walters and Noon (2015), with a sample of youths who had been judged delinquent, did not find a link between animal cruelty and subsequent violence and aggressive behavior. Animal cruelty was associated with family context and externalizing variables, such as the temperament dimensions of fearlessness and disinhibition. Consequently, animal cruelty may be an important indicator of future offenses by virtue of its link with the temperament dimensions of fearlessness and disinhibition, rather than because of any direct effect it may have on subsequent violence and aggressive behavior (Walters, 2017; Walters & Noon, 2015).

3.2.4. The link between methods of animal cruelty and later interpersonal violence

Four studies analyzed the association between methods of animal cruelty and acts of adult interpersonal violence in samples of institutionalized individuals (Henderson et al., 2011; Hensley et al., 2012; Hensley & Tallichet, 2009; Levitt et al., 2016). They found that animal cruelty methods, such as drowning animals or having sex with them (e.g., bestiality) during childhood and adolescence, predicted later acts of violence against humans. In this sense, inmates who had drowned animals or engaged in acts of bestiality during their childhood and adolescence were more likely to have engaged in, and been convicted of, repeated violent crimes later in life (Hensley et al., 2012; Hensley & Tallichet, 2009). However, Henderson et al. (2011), using similar tests, found that only bestiality and the age the inmates began abusing animals predicted later acts of violence against humans. Therefore, the inmates who reported having engaged in acts of

малозначимых факторов опосредованы частотой актов жестокости к животным и количеством братьев и сестер. Наконец, Санттила и Хаапасало (1997) сравнили группы преступников-убийц, а также преступников, совершавших и не совершавших насильственные преступления, по набору факторов риска, которые включали жестокое обращение с животными, и обнаружили, что наличие эпизодов жестокого обращения с животными отличало преступников-убийц от одной или обеих других групп преступников. Исследования показали, что заключенные, совершившие насильственные преступления во взрослом возрасте, были значительно более склонны совершать акты жестокого обращения с животными в детстве, чем другие взрослые преступники, не совершавшие насильственных преступлений (Merz-Perez et al., 2001; Santtila & Haapasalo, 1997). Тем не менее, недавнее исследование Уолтерса (2017) с использованием выборки мужчин, совершивших сексуальные преступления, и Уолтерса и Нуна (2015) с выборкой правонарушителей среди молодежи, не обнаружило связи между жестоким обращением с животными и последующим насилием и агрессивным поведением. Жестокое обращение с животными было связано с семейным контекстом и переменными экстернализации, такими как свойствами темперамента бесстрашия и расторможенности. Следовательно, жестокое обращение с животными может быть важным индикатором будущих правонарушений в силу своей связи с этими свойствами темперамента, а не из-за какого-либо прямого влияния, которое оно может оказать на последующее насилие и агрессивное поведение (Уолтерс, 2017; Уолтерс и Нун, 2015).

3.2.4. Связь между методами жестокого обращения с животными и последующим межличностным насилием

В 4 исследованиях анализировалась связь между методами жестокого обращения с животными и актами межличностного насилия среди взрослых в выборках институционализированных людей (Henderson et al., 2011; Hensley et al., 2012; Hensley & Tallichet, 2009; Levitt et al., 2016). Они продемонстрировали, что методы жестокого обращения с животными, такие как утопление животных или секс с ними (например, скотоложество) в детстве и подростковом возрасте, предсказывали последующие акты насилия в отношении людей. В этом смысле заключенные, которые топили животных или занимались скотоложеством в детстве и юности, с большей вероятностью совершали и были осуждены за повторные насильственные преступления в более позднем возрасте (Hensley et al., 2012; Hensley & Tallichet, 2009). Однако Хендерсон и др. (2011), используя аналогичные тесты, обнаружили, что только скотоложество и возраст, в котором заключенные начали издеваться над животными, предсказывали последующие акты насилия в

bestiality during their childhood, and those who reported engaging in animal cruelty at a younger age, were more likely to engage in recurrent acts of interpersonal violence as adults. It is noteworthy that acts of animal cruelty directed toward pets or stray animals, such as kicking, hitting, or shooting them, were reported more frequently than those involving drowning, choking, burning, or having sex with animals (Henderson et al., 2011; Hensley & Tallichet, 2009).

3.2.5. Motives behind animal cruelty

Three studies attempted to analyze the motives behind animal cruelty (Hensley & Tallichet, 2008; Levitt et al., 2016; Overton et al., 2012; Wright & Hensley, 2003). The motivations most commonly reported by the participants were to vent their anger, harass or torment another person, have fun, dislike for the animal, and a desire for imitation (Hensley & Tallichet, 2008; Levitt et al., 2016; Wright & Hensley, 2003). However, only harassing or tormenting another person and having fun had a statistically significant relationship with interpersonal violence (Levitt et al., 2016), and only having fun predicted subsequent violent crime convictions (e.g., assault, rape, and murder) (Hensley & Tallichet, 2008). In this sense, inmates who had committed childhood and adolescent acts of animal cruelty for fun were more likely to have engaged in, and been convicted of, repeated acts of interpersonal violence (Hensley & Tallichet, 2008).

4. Discussion

This evidence provides empirical support to the deviance generalization hypothesis and the progression or graduation hypothesis in clarifying the association between engaging in animal cruelty during childhood and adolescence and the subsequent perpetration of interpersonal violence.

Regarding the deviance generalization hypothesis, the findings provide further empirical support for the co-occurrence of animal cruelty and interpersonal violence in adolescents, in forms such as bullying, behavioral problems, and fire-setting (Arluke et al., 1999; Baxendale et al., 2015; Boat et al., 2011; Gullone & Robertson, 2008; Henry & Sanders, 2007; Vaughn et al., 2009). Furthermore, the results indicate that animal cruelty in adolescence is correlated to various

отношении людей. Таким образом, заключенные, которые сообщили о совершении актов скотоложства в детстве, и те, кто сообщил о совершении жестокого обращения с животными в раннем возрасте, с большей вероятностью совершали повторяющиеся акты межличностного насилия во взрослом возрасте. Примечательно, что акты жестокого обращения с животными, направленные на домашних или бродячих животных, такие как пинки, удары или стрельба по ним, регистрировались чаще, чем те, которые включали утопление, удушение, сжигание или секс с животными (Henderson et al., 2011; Hensley & Tallichet, 2009).

3.2.5. Мотивы жестокого обращения с животными

В 3 исследованиях была предпринята попытка проанализировать мотивы жестокого обращения с животными (Hensley & Tallichet, 2008; Levitt et al., 2016; Overton et al., 2012; Wright & Hensley, 2003). Наиболее часто упоминаемыми мотивами участников были желание выплеснуть свой гнев, преследовать или мучить другого человека, развлечься, неприязнь к животному и желание подражать (Hensley & Tallichet, 2008; Levitt et al., 2016; Wright & Hensley, 2003). Однако только мотивы преследования или издевательства над другим человеком и развлечения имели статистически значимую связь с межличностным насилием (Levitt et al., 2016), при этом только мотив развлечения предсказывал последующие обвинения в совершении насильственных преступлений (например, нападение, изнасилование и убийство) (Hensley & Tallichet, 2008). В этом смысле заключенные, которые в детстве и подростковом возрасте совершали акты жестокого обращения с животными ради развлечения, с большей вероятностью участвовали в повторных актах межличностного насилия и были осуждены за них (Hensley & Tallichet, 2008).

4. Обсуждение

Эти данные эмпирически подтверждают гипотезу генерализации девиации и гипотезу прогрессирования или градуировки при попытке обнаружить связь между проявлением жестокости к животным в детстве и подростковом возрасте и последующим совершением межличностного насилия.

Что касается гипотезы генерализации девиации, результаты дополнительно эмпирически подтверждают одновременное проявление жестокости к животным и межличностного насилия у подростков в таких формах, как издевательства, поведенческие проблемы и поджоги (Arluke et al., 1999; Baxendale et al., 2015; Boat et al., 2011; Gullone & Robertson, 2008; Henry & Sanders, 2007; Vaughn et al., 2009). Кроме того, результаты указывают, что жестокое обращение с животными в подростковом возрасте коррелирует с различными формами преступности среди

forms of juvenile delinquency (Henry, 2004).

The association is stronger for serious offenses (e.g., vandalism, violent offenses, serious property offenses, robbery) than for more common misdemeanors (e.g., shoplifting). This suggests that animal cruelty might be closer to serious violence and other pathologies than to other common behavior problems which may be encountered during adolescence (Longobardi, Prino, Fabris, & Settanni, 2017a; Longobardi, Prino, Fabris, & Settanni, 2017b; Lucia & Killias, 2011; Vaughn et al., 2009).

These findings are consistent with those from earlier studies (e.g., Slavkin, 2001; Tapia, 1971). For example, Tapia found that children who had been cruel to animals showed many other aggressive symptoms, such as destructiveness, bullying, fighting, stealing, and firesetting.

Slavkin (2001), in a sample of juvenile firesetters, found that juveniles who were identified as being cruel to animals were more likely to engage in recidivistic firesetting behaviors than those who were not cruel to animals.

With regard to the progression or graduation hypothesis, retrospective studies employing inmate samples indicate that acts of animal cruelty committed during childhood and adolescence are a relatively persistent predictor of adult interpersonal violence, such as offenses (Arluke et al., 1999; Hensley et al., 2006; Hensley et al., 2009; Hensley et al., 2010, 2012; Hensley & Tallichet, 2009; Merz-Perez et al., 2001; Tallichet & Hensley, 2004; Wright & Hensley, 2003). These findings are in line with previous studies (e.g., Flynn, 1999; Hellman & Blackman, 1966; Kellert & Felthous, 1985; Sendi & Blomgren, 1975). For example, Kellert and Felthous (1985) examined the relationship between childhood episodes of animal cruelty and aggressive behaviors among criminals and non-criminals during adulthood. Their results showed that the episodes of childhood animal cruelty occurred to a significantly greater degree among aggressive criminals than among non-aggressive criminals or non-criminals.

Additionally, the results from the retrospective studies reviewed are in line with those found by the prospective studies analyzed in this

несовершеннолетних (Henry, 2004).

Связь сильнее для серьезных правонарушений (например, вандализм, насильственные преступления, серьезные имущественные преступления, грабеж), чем для более распространенных проступков (например, кража в магазине). Это говорит о том, что жестокое обращение с животными может быть ближе к серьезному насилию и другим патологиям, чем к другим распространенным проблемам поведения, которые могут встречаться в подростковом возрасте (Longobardi, Prino, Fabris, & Settanni, 2017a; Longobardi, Prino, Fabris, & Settanni, 2017b; Lucia & Killias, 2011; Vaughn et al., 2009).

Эти результаты согласуются с результатами более ранних исследований (например, Славкин, 2001; Тапия, 1971). Например, Тапия обнаружил, что дети, которые были жестоки к животным, проявляли много других агрессивных симптомов, таких как деструктивность, издевательства, драки, воровство и поджоги.

Славкин (2001) в выборке несовершеннолетних поджигателей обнаружил, что подростки, которые были идентифицированы как жестокие к животным, были более расположены к повторным поджогам, чем те, кто не был жесток к животным.

Что касается гипотезы прогрессирования или градуировки, ретроспективные исследования, использующие выборки заключенных, показывают, что акты жестокого обращения с животными, совершенные в детстве и подростковом возрасте, являются относительно устойчивым предиктором межличностного насилия во взрослом возрасте, такого как правонарушения (Arluke et al., 1999; Hensley et al., 2006; Hensley et al., 2009; Hensley et al., 2010, 2012; Hensley & Tallichet, 2009; Merz-Perez et al., 2001; Tallichet & Hensley, 2004; Wright & Hensley, 2003). Эти результаты соответствуют предыдущим исследованиям (например, Flynn, 1999; Hellman & Blackman, 1966; Kellert & Felthous, 1985; Sendi & Blomgren, 1975). Например, Kellert и Felthous (1985) исследовали связь между детскими эпизодами жестокого обращения с животными и агрессивным поведением среди взрослых преступников и не преступников. Их результаты показали, что эпизоды детской жестокости к животным происходили в значительно большей степени среди агрессивных преступников, чем среди неагрессивных преступников или не преступников.

Кроме того, результаты рассмотренных ретроспективных исследований соответствуют результатам, полученным в проспективных исследованиях, проанализированных в данной статье (Becker et al., 2004; Loeber et al., 2005;

paper (Becker et al., 2004; Loeber et al., 2005; Longobardi, Settanni, Prino, & Gastaldi, 2018; Salter et al., 2003; Walters, 2014), which also suggests that animal cruelty is not only related to later offenses, but that it may precede delinquency in general. In other words, the findings suggest that animal cruelty precedes offenses more often than the other way around (Becker et al., 2004).

However, the choice of animal cruelty methods also correlates to later acts of adult violence against humans. In this sense, drowning animals or having sex with them (e.g., bestiality) during childhood and adolescence predicted later engagement in acts of adult violence against humans (e.g., violent offending). These findings provide further support to the sexually polymorphous theory that childhood bestiality might be a potential precursor to adult interpersonal violence (Hensley et al., 2010). In addition, more violent offenders were found to have engaged in more severe acts of animal cruelty (Hensley et al., 2012; Merz-Perez et al., 2001). Therefore, it is possible that more severe animal abuse (e.g., torturing and killing animals in childhood) was a product of homicidal ideation which would be expressed in age-grade behavior. In this way, cruelty to animals might be early-life indicators for this ideation. From this viewpoint, animal abuse would hide the offender's true motivation which would be to murder another person (DeLisi et al., 2017).

Finally, incidences of abusing animals for fun during youth predicted later engagement in recurrent acts of interpersonal violence against humans (Hensley & Tallichet, 2008). As these authors pointed out: "Committing animal abuse for fun suggests the need for thrill seeking as a perverted form of entertainment or the release of pent-up emotions on objects perceived to be weaker" (p. 182).

Therefore, given the significant associations found between animal cruelty during childhood and adolescence and the perpetration of other antisocial behaviors, animal cruelty during childhood might be an individual risk factor, a marker for later engagement in acts of violence perpetuated against humans and other antisocial behaviors (Flynn, 2011; Loeber et al., 2005; Lucia & Killias, 2011; McPhedran, 2009; Petersen & Farrington, 2007; Vaughn et al., 2009). Consequently, it might be a good investment to

Longobardi, Settanni, Prino, & Gastaldi, 2018; Salter et al., 2003; Walters, 2014), что также предполагает, что жестокое обращение с животными не только связано с более поздними правонарушениями, но и может предшествовать правонарушениям в целом. Другими словами, результаты предполагают, что жестокое обращение с животными предшествует правонарушениям чаще, чем наоборот (Becker et al., 2004).

Однако выбор методов жестокого обращения с животными также коррелирует с более поздними актами насилия взрослых в отношении людей. В этом смысле утопление животных или секс с ними (например, скотоложество) в детстве и подростковом возрасте предсказывало более позднее участие в актах насилия взрослых против людей (например, насильственные преступления). Эти результаты дополнительно подтверждают сексуально полиморфную теорию о том, что детское скотоложество может быть потенциальным предшественником взрослого межличностного насилия (Hensley et al., 2010). Кроме того, было обнаружено, что более жестокие преступники совершали более серьезные акты жестокого обращения с животными (Hensley et al., 2012; Merz-Perez et al., 2001). Поэтому возможно, что более серьезные проявления жестокого обращения с животными (например, пытки и убийства животных в детстве) были продуктом мыслей об убийстве, которые будут выражаться в поведении возрастной группы. Таким образом, жестокость к животным может быть ранним индикатором этой идейности. С этой точки зрения, жестокое обращение с животными скрывает истинную мотивацию преступника, которая заключается в убийстве другого человека (DeLisi et al., 2017).

Наконец, случаи жестокого обращения с животными ради развлечения в юности предсказывали дальнейшее участие в повторяющихся актах межличностного насилия в отношении людей (Hensley & Tallichet, 2008). Как отметили эти авторы: "Жестокое обращение с животными ради развлечения предполагает потребность в поиске острых ощущений как извращенной форме развлечения или высвобождении сдерживаемых эмоций на объектах, которые воспринимаются как более слабые" (стр. 182).

Таким образом, учитывая значимые связи, обнаруженные между жестокостью к животным в детстве и подростковом возрасте и совершением других асоциальных форм поведения, жестокость к животным в детстве может становиться индивидуальным фактором риска, маркером последующего участия в актах насилия, совершаемого в отношении людей, и других форм асоциального поведения (Flynn, 2011; Loeber et al., 2005; Lucia & Killias, 2011; McPhedran, 2009;

screen youth for animal cruelty in clinical and other service settings (Vaughn et al., 2009).

Nevertheless, it is important to keep in mind that risk factors in general, and individual risk factors in particular, are not always decisive for those who present them. As Flynn (2011) points out, most children who abuse animals don't go on to be violent toward humans, that is, they will never progress to being violent against humans. Most children tend to have limited experiences with animal cruelty. Additionally, individual factors, such as animal cruelty, are not sufficient to explain the occurrence of subsequent episodes of violence against humans. Consequently, overemphasizing the relationship between animal cruelty and later acts of interpersonal violence might lead authorities to falsely label and stigmatize some children as potential abusers or worse, creating rather than reducing deviance.

To better understand animal cruelty in childhood and its link to adult violence, we also need to examine a series of social and cultural factors, such as domestic environments, child-care arrangements, schools, peer groups, and neighborhoods (Ascione & Arkow, 1999). In this sense, McPhedran (2009) points out that the context within which animal cruelty occurs contributes to the development of both the animal cruelty itself, and the perpetration of other violent behaviors. In this sense, an abusive family context may be a better predictor of adult violence than childhood animal cruelty (Boat et al., 2011; Currie, 2006; Duncan & Catherine Miller, 2002). For example, Becker et al. (2004) found that family variables increase the likelihood of childhood firesetting and animal cruelty, and that these behaviors are also related to the emergence of adolescent delinquency. Consequently, intervening in abusive home environments in a holistic fashion may represent an effective way to break the link between animal cruelty and interpersonal violence (McPhedran, 2009; Petersen & Farrington, 2007). Nevertheless, it should be taken into account that interpersonal violence is a complex phenomenon, which cannot be explained solely by environmental factors. A more comprehensive solution that analyzes all biopsychosocial factors is required (Flynn, 2011).

Petersen & Farrington, 2007; Vaughn et al., 2009). Следовательно, представляется уместным скрининг молодежи на жестокость к животным в институтах, оказывающих медицинские и иные услуги (Vaughn et al., 2009).

Тем не менее, важно помнить, что факторы риска в общем и индивидуальные факторы риска в частности не всегда являются решающими для тех, к кому они применяются. Как отмечает Флинн (2011), большинство детей, которые жестоко обращаются с животными, не становятся жестокими по отношению к людям, то есть они никогда не перейдут к жестокости по отношению к людям. Большинство детей, как правило, имеют ограниченный опыт жестокого обращения с животными. Кроме того, индивидуальные факторы, такие как жестокость по отношению к животным, недостаточны для объяснения возникновения последующих эпизодов насилия по отношению к людям. Следовательно, чрезмерное подчеркивание связи между жестокостью по отношению к животным и последующими актами межличностного насилия может привести к тому, что власти ложно навесят ярлыки на некоторых детей как потенциальных обидчиков или, что еще хуже, создадут, а не уменьшат отклонения.

Чтобы лучше понять жестокость к животным в детстве и ее связь с насилием со стороны взрослых, нам также необходимо изучить ряд социальных и культурных факторов, таких как домашняя обстановка, условия ухода за детьми, школы, группы сверстников и соседи (Ascione & Arkow, 1999). В этом смысле Макфедран (2009) указывает, что контекст, в котором происходит жестокость к животным, способствует развитию как самой жестокости к животным, так и совершению других видов насилия. В этом смысле семейный контекст, подразумевающий жестокость, может быть лучшим предиктором насилия со стороны взрослых, чем жестокость к животным в детстве (Boat et al., 2011; Currie, 2006; Duncan & Catherine Miller, 2002). Например, Беккер и др. (2004) обнаружили, что семейные переменные увеличивают вероятность поджогов в детстве и жестокого обращения с животными, и что эти виды поведения также связаны с возникновением подростковой преступности. Следовательно, вмешательство в случаи домашнего насилия целостным образом может представлять собой эффективный способ разорвать связь между жестокостью к животным и межличностным насилием (McPhedran, 2009; Petersen & Farrington, 2007). Тем не менее, следует учитывать, что межличностное насилие является сложным явлением, которое нельзя объяснить только факторами среды. Требуется более комплексное решение, которое будет учитывать все биопсихосоциальные факторы (Flynn, 2011).

4.1. Limitations and directions for future research

We acknowledge several limitations in this study, which are related to the research design of the articles reviewed in our paper. In this sense, most of the studies analyzed employed a convenience sample taken from the population of children, adolescents, or inmates from the USA (who were mostly Caucasian), which makes it difficult for our findings to be generalized to a wider population. Consequently, future research is needed to investigate this topic in other societies and cultures, using research designs and statistical analyses that ensure an adequate methodological quality.

Another limitation encountered in this study was the spotty definition of animal cruelty. The most common definition used by the studies that investigate this phenomenon is the one presented by Ascione (1993), which defines animal cruelty as a socially unacceptable behavior that intentionally causes useless pain, suffering or anguish to the animal and/or its death. Such a spotty definition increases the risk of labelling as animal cruelty those accidental forms of violence that might occur sometimes, which are otherwise recognized as exploratory/curious animal abuse (Ascione, 2001). Additionally, there was no cross-study consensus concerning the definition of animal cruelty and its relevant dimensions. Therefore, most authors employed their own various definitions. In order to facilitate greater comparisons between studies, it is important that future studies use the same definitions and measurement instruments.

However, most of the studies analyzed used cross-sectional designs or relied on retrospective accounts of events that may have transpired decades earlier, which did not allow us draw precise inferences about cause-effect relationships (e.g., Hensley et al., 2009; Merz-Perez et al., 2001) – that is, whether the acts of animal cruelty had occurred before or after the acts of interpersonal violence. Furthermore, as Flynn (2011) points out, it is possible that animal cruelty and interpersonal violence are the result of a third factor, rather than being causally related to each other. For example, animal cruelty may be relevant to future offenses by virtue of its link to the temperament dimensions of fearlessness and disinhibition, rather than because of any direct effect it may have on subsequent violence and

4.1. Ограничения и направления будущих исследований

Мы признаем несколько ограничений в этом исследовании, которые связаны с исследовательскими методами рассматриваемых статей. В этом смысле, большинство проанализированных исследований использовали традиционную выборку, взятую из популяции детей, подростков или заключенных из США (которые были в основном белыми), что затрудняет обобщение наших результатов на более широкую популяцию. Следовательно, необходимы будущие исследования для изучения этой темы в других обществах и культурах, используя исследовательские методики и статистический анализ, которые обеспечивают адекватное методологическое качество.

Еще одним ограничением, с которым авторы столкнулись в этом исследовании, было размытое определение жестокого обращения с животными. Наиболее распространенное определение, используемое в исследованиях, изучающих это явление, – это определение, представленное Асьоне (1993), которое определяет жестокое обращение с животными как социально неприемлемое поведение, которое намеренно причиняет необоснованную боль, страдания или мучения животному и/или его смерть. Такое неоднозначное определение увеличивает риск признания жестоким обращением с животными тех случайных форм насилия, которые иногда происходят, и которые иначе определяются как жестокое обращение с животными из любопытства (Ascione, 2001). Кроме того, не было консенсуса в перекрестных исследованиях относительно определения жестокого обращения с животными и его соответствующих измерений. Поэтому большинство авторов использовали свои собственные различные определения. Для того чтобы облегчить более тесные сравнения между исследованиями, важно, чтобы будущие исследования использовали те же определения и инструменты измерения.

В то же время большинство проанализированных исследований использовали поперечные срезы или опирались на ретроспективные отчеты о событиях, которые могли произойти десятилетиями ранее, что не позволило нам сделать точные выводы о причинно-следственных связях (например, Hensley et al., 2009; Merz-Perez et al., 2001) – то есть, произошли ли акты жестокого обращения с животными до или после актов межличностного насилия. Кроме того, как отмечает Флинн (2011), возможно, что жестокость к животным и межличностное насилие являются результатом третьего фактора, а не причинно связаны друг с другом. Например, жестокость к животным может иметь отношение к будущим правонарушениям благодаря своей связи с свойствами темперамента бесстрашия и расторможенности, а не из-за какого-либо прямого влияния, которое она может

aggressive behavior (Walters, 2012, 2017).

As Walters and Noon (2015) point out, animal cruelty might be a marker of nonviolent and violent offenses by virtue of its position in the proactive subdimension of the externalizing spectrum. Therefore, prospective or longitudinal studies are needed to improve our understanding of how the relationship between animal cruelty and later interpersonal violence (e.g., offenses) develops.

Concerning the data collection methods, the information obtained through self-report questionnaires is hard to verify and is often falsified in order to protect or increase a person's level of social desirability. This problem persists even when researchers use anonymous questionnaires in their studies. Furthermore, there is the additional issue of the intrinsic limits of retrospective studies, which owe to the progressive deterioration of memories and the consequent low reliability of the participants' reports. In fact, participants are asked to report on events that took place decades before the study was carried out, and the information obtained cannot be considered to be completely reliable and precise. However, the use of indirect and alternative sources of information, such as clinical files (Boat et al., 2011), also presents problems that are relative to the quality of the documentation obtained, and to the interpretation of events given by the interviewer or medical professional that compiled the information at the time. Nevertheless, the use of interviews instead of the more common pen-and-paper questionnaires is advised. Interviews allow researchers to obtain more personal and detailed information concerning the participants, and they also allow for the inclusion of illiterate individuals in the studies since they would not be able to participate otherwise. Finally, the use of longitudinal studies and of studies that analyze bigger samples that are more representative of the population, such as national surveys, is advisable since they would allow a better generalization of the results and a better understanding of the phenomenon in question.

Future research should focus on collecting more precise information on the age at which the first episodes of animal cruelty took place, the methods used, and the motivations that led the participants to engage in this behavior since the information we possess at the moment is still incomplete. In conclusion, it would also

оказать на последующее насилие и агрессивное поведение (Walters, 2012, 2017).

Как отмечают Уолтерс и Нун (2015), жестокость к животным может быть маркером ненасильственных и насильственных правонарушений в силу своего положения в проактивном измерении экстернализации. Поэтому необходимы проспективные или продольные исследования, чтобы улучшить наше понимание того, как развивается связь между жестокостью к животным и последующим межличностным насилием (например, правонарушениями).

Что касается методов сбора данных, то информацию, полученную с помощью самоанкетирования, трудно проверить, и она часто искажается, чтобы защитить или повысить уровень социальной желательности человека. Эта проблема сохраняется, даже когда исследователи используют анонимные анкеты в своих исследованиях. Кроме того, существует дополнительная проблема внутренних ограничений ретроспективных исследований, которые обусловлены постепенным ухудшением воспоминаний и, как следствие, низкой надежностью отчетов участников. Фактически, участников просят сообщать о событиях, которые произошли за десятилетия до проведения исследования, и полученная информация не может считаться полностью надежной и точной. Однако использование косвенных и альтернативных источников информации, таких как медицинские карты (Boat et al., 2011), также составляет проблему, связанную с качеством полученной документации и интерпретацией событий, передаваемых интервьюером или медицинским специалистом, который собирал информацию в то время. Тем не менее, рекомендуется использовать интервью вместо более распространенных анкет. Интервью позволяют исследователям получить более личную и подробную информацию об участниках, и они также позволяют включать в исследования неграмотных людей, поскольку в противном случае они не смогли бы участвовать в опросах. Наконец, целесообразно использовать продольные исследования и исследования на более крупных выборках, так как они более репрезентативны, например, национальные опросы, и позволят лучше обобщить результаты и лучше понять рассматриваемое явление.

Будущие исследования должны быть сосредоточены на сборе более точной информации о возрасте, в котором произошли первые эпизоды жестокого обращения с животными, используемых методах и мотивах, которые побудили участников проявлять такое поведение, поскольку информация, которой мы обладаем на данный момент, все еще неполна. В заключение, также было бы важно исследовать гендерные различия в жестоком обращении с животными, поскольку все рассмотренные нами исследования сосредоточены исключительно

be important to investigate gender differences in animal cruelty since all the studies we reviewed focused exclusively on male participants, and the literature shows that men and women have different ways of behaving (Baldry, 2005).

5. Conclusions

There is a need for a clear and complete analysis of the relationship between animal cruelty and interpersonal violence for the purpose of developing better prevention and intervention programs in the future.

In this sense, it is important to remember the substantial difference between physiologically violent behaviors directed at animals that take place during preschool and/or primary school, when children still might lack the notion of caring for and treating animals humanely (e.g., exploratory/curious animal abuse), and pathological animal abuse, which is carried out at a later age and is symptomatic of other psychological disorders (Ascione, 2001). In the first case, an educational intervention is sufficient to deter this behavior; in the second case, clinical interventions are advised.

Concerning children and adolescents, identifying early episodes of animal abuse is vital for the prevention of future antisocial behaviors, and because these behaviors could be distress signals emitted by individuals who are victims of domestic or parental abuse. Domestic abuse is a serious problem that should be tackled by law enforcement agencies, doctors, and social workers. Alongside the solution of problematic domestic situations there should be the creation of prevention programs since animal abuse takes place mostly during early adolescence (e.g., before age 15) (McVie, 2007). Prevention strategies would be more efficient if they were inserted into educational settings and programs, preferably from primary school forward. Group work, which uses peer influence to modify deviant behaviors, could be a good instrument upon which to base interventions, especially during adolescence. It is evident that the best results against violent behaviors can be obtained only through multidisciplinary approaches that include different settings, such as schools, domestic environments, healthcare centers, and social

на участниках-мужчинах, а литература показывает, что у мужчин и женщин разные способы поведения (Baldry, 2005).

5. Выводы

Необходим четкий и полный анализ взаимосвязи между жестокостью к животным и межличностным насилием с целью разработки более эффективных программ профилактики и вмешательства в будущем.

В этом смысле важно помнить о существенной разнице между физиологически агрессивным поведением, направленным на животных, которое происходит в дошкольном и/или младшем школьном возрасте, когда дети еще могут не иметь представления о гуманном обращении с животными (например, насилие над животными из любопытства), и патологическим насилием над животными, которое осуществляется в более позднем возрасте и является симптомом других психологических расстройств (Ascione, 2001). В первом случае достаточно образовательного вмешательства, чтобы сдержать такое поведение; во втором случае рекомендуются клинические вмешательства.

Что касается детей и подростков, выявление ранних эпизодов жестокого обращения с животными имеет жизненно важное значение для предотвращения будущего антисоциального поведения, в том числе потому что такое поведение может быть сигналом бедствия, посылаемым лицами, которые являются жертвами домашнего или родительского насилия. Домашнее насилие является серьезной проблемой, которую должны решать правоохранительные органы, врачи и социальные работники. Наряду с решением проблемных домашних ситуаций следует создавать профилактические программы, поскольку жестокое обращение с животными происходит в основном в раннем подростковом возрасте (например, до 15 лет) (McVie, 2007). Профилактические стратегии были бы более эффективными, если бы они были включены в образовательные среды и программы, предпочтительно с начальной школы. Групповая работа, которая использует влияние сверстников для изменения девиантного поведения, может быть хорошим инструментом, на котором можно основывать вмешательства, особенно в подростковом возрасте. Очевидно, что наилучшие результаты против агрессивного поведения могут быть получены только с помощью многопрофильных подходов, которые применяются в различных обстановках, таких как школы, дом, медицинские центры и социальная помощь.

assistance.

Concerning adults, instead, such as the inmates studied by Tallichet et al. or Merz-Perez et al. (Hensley et al., 2006; Hensley et al., 2010, 2012; Hensley & Tallichet, 2009; Merz-Perez et al., 2001; Tallichet & Hensley, 2004), although sanctions are necessary, they are not sufficient to reduce violent behaviors. In this context as well, the promotion of nonviolent behaviors should be carried out through different means, such as the creation of special events that sensitize individuals on the topic of personal respect and individual rights.

Что касается взрослых, например, заключенных, изученных Талличетом и др. или Мерцем-Пересом и др. (Хенсли и др., 2006; Хенсли и др., 2010, 2012; Хенсли и Талличет, 2009; Мерц-Перес и др., 2001; Талличет и Хенсли, 2004), хотя санкции необходимы, их недостаточно, чтобы сократить агрессивное поведение. В этом контексте также продвижение ненасильственного поведения должно осуществляться с помощью различных средств, таких как проведение специальных мероприятий, которые повышают осведомленность людей о взаимоуважении и индивидуальных правах.